

Хлодвиг. Король франков.

По старой римской дороге двигалось войско франков.

Франки были в походе уже несколько месяцев, устали в переходах и сражениях, изнемогали от зноя и жажды.

В выбоине каменной дорожной плиты сверкнула застоявшаяся лужица воды. Молодой воин, отделившись от своих товарищей, припал к воде и жадно хватал ее губами. На мгновение ему представился образ другой дороги: узкая заросшая тропа извивалась среди леса и терялась в болоте. Она вела к родному селению.

Воин пил, а мимо шли и шли его односельчане, родичи и совсем незнакомые люди, шло ополчение франков. Каждый воин был вооружен копьем, луком и стрелами, боевым топором, коротким мечом — скрамасаксом и круглым кожаным щитом, покрытым металлическими пластинками. На головах у многих франков были остроконечные шлемы, из-под которых свисали две туго заплетенные косы. Обуты были воины в кожаные сандалии с длинными ремнями, туго охватывающими голени. Одежда воинов состояла из белой полотняной рубахи, коротких штанов и грубого плаща.

Впереди в сопровождении верных дружинников ехали на крепких, коренастых лошадях военные вожди племен — конунги: Сйгиберт, Рагнахар, Хорарих, Хлодвиг. На длинной перевязи у каждого меч, а за поясом боевой топор. За войском двигались крытые повозки с походным имуществом, за обозом гнали скот. А впереди и позади, насколько видел глаз, была бесконечная каменная дорога.

Среди вождей выделялся гордой осанкой самый молодой — Хлодвиг Меровинг. Рассказывали, что смелый и вместе с тем расчетливый Хлодвиг сумел возглавить союз четырех франкских племен. Он увлек знать, а она — простых франков на завоевание богатых соседних земель, которые прежде принадлежали Западной Римской империи.

Франки идут на запад, прокладывая себе путь оружием. Назавтра предстоит решающая схватка с войском Сиагрия. Он был римским наместником, а когда рухнула Западная Римская империя, то оказался главой небольшого самостоятельного государства.

Отставший воин догнал товарищей. Стемнело. Франки готовились к ночлегу. Они расположились прямо на земле, окружив себя плотно сдвинутыми повозками. Низко струился сизый дым костров. В небе резко обозначился зубчатый контур крепости Суассон. Пожилой вождь показал своим воинам на горизонт:

— Вот она, столица Сиагрия...

Он принял вызов Хлодвига. Утром мы сразимся с его войском. Если на то будет воля богов и мы одержим победу, нам достанется богатая добыча: оружие, скот, кони. Поселим наши семьи на этих плодородных землях, а пленников заставим пахать и сеять. Сами же будем идти вперед, пока не завоюем всю Галлию! Нас теперь не остановить!

На рассвете сошлись вплотную две рати. Взметнулись копья, запели стрелы, взвились боевые топоры. В самый разгар битвы, когда, казалось, побеждают воины Сиагрия, Хлодвиг соскочил с коня, за ним последовали другие вожди. Это означало, что предводители будут сражаться в пешем строю до конца.

Солнце уже клонилось к закату, когда стала очевидной победа франков.

Предвидя близкое поражение, Сиагрий бежал с поля боя. Он нашел приют у вестготского короля Алариха. Хлодвиг узнал об этом и стал угрожать Алариху войной. Тот выдал ему беглеца, которого Хлодвиг приказал тайно убить в темнице.

Франкские переселенцы хлынули во вновь завоеванные места. Старейшины отводили землю семьям завоевателей «согласно достоинству»: лучшие и большие участки доставались военным вождям и их дружинникам. Вместе с землей распределялись и пленники: чем больше участок, тем больше нужно было работников. Обширные земли франкской знати возделывали колонны и рабы бывшей империи, ныне зависимые от новых землевладельцев.

Обделенные землей воины-ветераны ворчали:

— Стоило ли проливать кровь для того, чтобы получить клочок земли, на котором едва прокормишь семью?

Однако выражать вслух недовольство новыми порядками, далекими от бывшего равенства, становилось все опаснее. Хлодвиг постепенно набирал силу, всюду стали доставать его длинные руки.

Когда франки после победы над Сиагрием учинили трехдневный грабёж в Суассоне, в церкви была захвачена драгоценная чаша. Вскоре к Хлодвигу пришел посланец епископа просить возвращения этой чаши.

— Иди за нами в Суассон, — велел Хлодвиг, — там будет происходить дележ всего, что захвачено. Если мне достанется по жребию тот сосуд, что просит святой отец, я выполню его просьбу.

В Суассоне уже собрались все дружинники и воины, участвовавшие в походе. На широкой площади была разложена военная добыча, которую, согласно обычаю, распределяли по жребию: тяжелые мечи в серебряных ножнах, с богатой отделкой, парчовые покрывала и облачения священников, шитые золотом, серебром и жемчугом, узорные ризы, сорванные с икон. При виде этих сокровищ глаза воинов жадно разгорелись.

Внезапно в середину круга стремительно вошел Хлодвиг. Подняв руку, он потребовал внимания.

— Прошу вас, храбрые воины, не откажите дать мне этот сосуд, — смиренным тоном обратился он к собравшимся воинам, показывая на драгоценную чашу, — без всякого жребия.

— Бери все, что угодно, никто не смеет противиться тебе.
По толпе прошел одобрителный гул. Вдруг молодой, бедно снаряженный воин вспылел:
— Ничего ты не получишь, кроме того, что тебе полагается по жребию. Надо уважать обычай! — Произнеся эти слова, он размахнулся и рассек чашу надвое своей секирой.
Хлодвиг в гневе отступил, но затаил обиду. «Еще не время спорить со старинными вольностями. Но погодите!» — подумал он.
Прошел год. Новые завоевания еще крепче сплотили франкскую знать вокруг Хлодвига. Многочисленной и сильной стала его личная дружина. Расширились земельные владения дружинников.
Как всегда, в марте все мужчины-воины собрались на народное собрание. В этот день Хлодвиг решил устроить смотр войскам.
Когда он проходил по рядам воинов, взгляд его, словно нечаянно, упал на того непокорного молодого франка, который год назад разрубил прекрасную чашу в Суассоне.
— Смотри, — воскликнул король гневно, — оружие твое не в порядке: и копье, и меч, и секира — всё никуда не годится!
С этими словами он вырвал у воина его заржавленную секиру и рассек ему голову.

Женские платья, накидки, украшения, прически. Середина XII в.

Франкский военный вождь и воин (справа). Тело воина защищено длинной кожаной рубахой. В его руках щит, сплетённый из прутьев и обтянутый кожей. Сближаясь с врагами в бою, воины метали в них копья, бросали топоры и, сойдясь, бились мечами.

— Так поступил ты с чашей в Суассоне,— спокойно произнес Хлодвиг.— С моей чашей!

Последнее, что увидел воин за мгновение до смерти, была заросшая лесная дорога к родному селению.

Бывалые воины содрогнулись. Никто на этот раз не посмел возражать королю. Подавленные происшедшим, расходились по домам воины с народного собрания, которое ничего уже больше не решало в жизни франков.

Между тем Хлодвиг при поддержке знатных людей, привлеченных его дарами, продолжал усиливать свою власть над франками.

В первую очередь он решил избавиться от своих бывших соратников, не признававших над собой его верховной власти. По мнению Хлодвиг, все средства для этого были хороши: обман и подкуп, хитрость и вероломство. Однажды задумал он уничтожить одного из главных своих соперников — короля рипуарских франков (франки в III—V вв. разделились на две ветви — салических, живших по берегам моря, и рипуарских, расселившихся у берегов Рейна) Сигибërта, а заодно и его потомство, с тем чтобы присоединить его владения к своему королевству. Тайно подослал он надежного человека в город Кельн к Хлодерику, сыну Сигибërта, мечтавшему поскорей унаследовать богатства своего отца. Посланец короля сумел войти в доверие к Хлодерику.

Однажды на пиру он нашептал захмелевшему юноше такие слова:

— Отец твой стар и к тому же болен. Если он умрет, тебе по праву достанется его королевство вместе с дружбой моего повелителя.

Прошло несколько дней. Старый Сигиберт как-то переправился через Рейн, чтобы поохотиться в лесу. Утомившись от долгой ходьбы, он уснул в своем шатре. В полдень жара сморила и его телохранителей. В это время к старику незаметно подкрались убийцы, посланные Хлодериком...

...И вот уже мчатся из Кёльна гонцы к королю Хлодвигу с вестью о внезапной гибели Сигиберта, передают слова его наследника: «Отец мой скончался, отныне я владею его сокровищами и его королевством. Приходи ко мне, и я охотно отдам тебе из его богатств все, что тебе заблагорассудится».

Хлодвиг велит передать ему ответ:

— Благодарю тебя, мой друг, за расположение ко мне и прошу показать нашим посланникам свои сокровища.

Вскоре сын «сам попал в яму, которую вырыл для своего отца», — повествует летописец Григорий Турский.

...Снова скачут люди Хлодвигу по дороге в Кёльн к молодому королю Хлодеригу. Радужно принимает тот гонцов, обильно кормит их и поит, распахивает перед ними двери своих сокровищниц, раскрывает кованые сундуки, разворачивает тяжелые свертки заморских тканей. Широким жестом обводит он ряды мешков, наполненных сокровищами.

— В этот сундук мой отец обычно складывал золотые монеты.

— Опусть руку до дна и достань сам, что найдешь.

Хлодерик склоняется над сундуком — и в это время удар топора сражает его насмерть.

Спешат гонцы назад к Хлодвигу — доложить своему повелителю о том, что выполнили его тайное поручение. Молча выслушивает их король, снаряжает дружину и скачет в Кёльн. Там тотчас же велит он созвать народное собрание и держит перед ним такую речь:

— Послушайте, люди, что произошло. В то время как плыл я по Шельде-реке, Хлодерик, сын моего родича, говорил своему отцу, будто я хочу его убить. А сам тем временем подослал к нему разбойников и умертвил его сонного. Но и сам он вскоре погиб, неизвестно кем пораженный... Я в этом деле не участник. Разве могу я проливать кровь моих родичей! Но раз уже так случилось, вот вам мой совет: становитесь под мою защиту!

Несколько мгновений народ безмолвствовал. Потом раздались возгласы: «Будь ты нашим королем! Бери нас под свою защиту!»

По древнему обычаю германцев, воины выразили свое одобрение звоном оружия, подняли Хлодвигу на широкий щит и понесли его над собой, впереди процессии.

Так Хлодвиг Меровинг стал королем рипуарских франков.

Теперь почти все франки были покорны его воле, за исключением отдельных небольших племен. Один за другим бывшие союзники Хлодвигу становятся его жертвами, а их владения присоединяются к территории Франкского государства.

Однажды Хлодвиг неожиданно объявил войну своему родичу Рагнахару. Предварительно он подкупил его приближенных, подарив им красивые браслеты, и этой ценой оплатил их предательство. Рагнахар проиграл войну. Предатели, как было условлено, выдали врагу своего вождя связанным. — Зачем ты унижил наш королевский род, позволив себя связать? — притворно возмутился Хлодвиг, обращаясь к Рагнахару. — И ударом меча он рассек ему голову.

— Почему ты не помог своему повелителю? — гневно продолжал Хлодвиг, поражая насмерть брата казненного.

Тем временем люди, выдавшие Рагнахара, обнаружили, что их провели: браслеты оказались из позолоченной бронзы. Когда они пожаловались Хлодвигу на обман, тот лицемерно возмутился:

— По заслугам получили вы такое золото, предатели! Надо было бы дать вам железные браслеты-наручники!

Хлодвиг истребил всех своих родственников, стоявших во главе соседних племен. Их владения перешли к Хлодвигу. Богатства убитых стекались в его казну. Земли убитых он раздавал сподвижникам. Они становились за это его верными слугами. С помощью этих знатных людей и своей могущественной дружины Хлодвиг постепенно отнимал у простых франков их древние свободы, а у народного собрания — его права.

Все трепетали перед именем Хлодвигу, единоличного властителя франков. Власть его простиралась теперь почти на всю Галлию.

...Хлодвиг сидел мрачный в слабо освещенной зале своего деревянного жилища.

Неровное пламя светильников выхватывало из темноты то резной узор подлокотников королевского кресла, то головы диковинных зверей, подпиравших сиденье. Зябко кутаясь в плащ, Хлодвиг ожидал своих советников. Король думал о том, что все труднее и хлопотнее становится созывать народные собрания в его выросшем, многолюдном государстве. Да и так ли необходимо их собирать? Разве только однажды в год — для проведения военного смотра... Ведь все государственные дела можно решать в узком кругу знатных советников, которые всегда поддержат своего короля, защищающего их от недовольства простых франков.

А в отдаленные области он пошлет своих верных людей, чтобы следили за порядком и творили суд согласно древним обычаям, которые он, Хлодвиг, велит записать в единый судебник. Но многие из этих обычаев надо хорошенько пересмотреть. В воображении Хлодвигу возник образ мятежного молодого воина с мечом, занесенным над чашей. Но на этот раз воин покорно склонил голову и опустил меч. Хлодвиг очнулся... Раздумья короля были прерваны громкими голосами и топотом ног. По деревянной лестнице поднимались его советники и военачальники. Дружинники снимали отяжелевшие от дождя плащи и придвигались поближе к огню.

Медленно распрямившись и обведя всех подозрительным взглядом, Хлодвиг вдруг сокрушенно обратился к присутствующим:

— Я созвал вас затем, чтобы погоревать вместе с вами о всех моих погибших родственниках. Горе мне! — Он разорвал на груди одежду. — Один я остался, как странник среди чужих. Нет у меня больше родственников, которые пришли бы мне на помощь, случись несчастье...

Две слезинки вяло сползли по его щеке. Тихо было в зале, только слышался треск горящего дерева в камине. Никто не откликнулся на призыв короля, ибо не осталось у него больше никого из знатных родственников.

А задумал король всю эту сцену, как свидетельствует летописец, только для того, чтобы обнаружить еще кого-нибудь из своих родственников и лишить его жизни, опасаясь за свою власть.

К концу V в., кроме Галлии, Хлодвигу подчинились и соседние германские племена. Рассказывают, что во время последней битвы с одним из них — алеманами (около 497 г.) франки едва не были разбиты. Потеряв надежду на помощь языческих богов, Хлодвиг мысленно обратился к Христу:

— Ты, который, говорят, даруешь победу надеющимся на тебя, — если поможешь мне победить, то я поверю в тебя...

Покуда Хлодвиг таким образом торговался с богом, военная удача снова оказалась на стороне франков. Алеманы обратились в бегство, их король был убит, а франки торжествовали победу.

Этому эпизоду впоследствии церковь стала приписывать решающую роль в обращении Хлодвиг в христианскую веру.

Готовясь к новым завоеваниям, Хлодвиг принял христианство. Это означало для него союз с христианской церковью.

Духовенство хорошо понимало выгоду такого союза с королем-завоевателем, который бы ей надежно покровительствовал и оградил ее от насилия варваров-франков, а церковное имущество — от разграбления. Постарались воздействовать на короля через его жену-христианку.

И вот королева Клотильда тайно пригласила ко двору епископа Ремигия.

Умный старик долго увещевал Хлодвиг совершить обряд крещения. Наконец Хлодвиг решительно ответил:

— Я охотно послушал бы тебя, но боюсь: народ не захочет отказаться от своих богов.

Созвали народ на широкую площадь перед дворцом. И тут случилось невиданное, как утверждает Григорий Турский. Не успел король сказать слово, как весь народ единодушно воскликнул:

— Отвергаем своих смертных богов и готовы следовать богу бессмертному!

...В старинном городе Реймсе готовятся к крещению франков. От дома к дому протягивают разноцветные полотна, из окон вывешивают яркие покрывала, развевающиеся по ветру как флаги.

Фасады церквей украшают белыми полотнищами.

Торжественная процессия движется из дворца в церковь. Епископ Ремигий шествует впереди, ведя за руку короля, лицо которого изображает смирение. Позади строем идут дружинники Хлодвига. По знаку Ремигия Хлодвиг принимает крещение. Раздаются звуки духовного гимна — и короля облачают в белоснежные крестильные одежды — знак его чистоты и непорочности.

Следом за Хлодвигом крестилось более трех тысяч его воинов.

Поздно вечером расходились усталые воины по своим домам. Низко опустив голову, брел из Реймса в свою деревню воин, состарившийся в походах. В пути его нагнал молодой королевский дружинник.

— Здорово, отец, — кивнул он, узнав односельчанина, — не устроить ли нам здесь привал? Засветло ведь не доберемся до дому. Еду проститься со стариками. Скоро снова на войну... Он пустил коня шагом.

Старый воин недружелюбно оглядел дружинника, покосился на его богатое вооружение, разукрашенную сбрую коня и проворчал:

— И когда только мы кончим воевать? Добро, воевал бы Хлодвиг только с недругами, а то сколько своих перебил! И все ему мало. Боги ему старые плохи стали! Подумал бы лучше о нас, кто с ним всю Галлию прошел с мечом... Я вот по ночам не сплю — раны ноют. А что заслужил от короля? Семья еле-еле перебивается, землю дали на болоте, только один клин сухой. Сыновья переженились, ртов прибавилось, а земли не прибавляется. Сам я все время в походах, старшие дети тоже, хозяйство все долгами опутано. А тебе, небось, и землицу, и рабов король пожаловал...

— Стыдно тебе на короля нашего обижаться, — ответил дружинник. — Ты посмотри, какую силу мы, франки, приобрели! Все народы склоняются перед нашим королем. И богу христианскому угодно было принять его под свое покровительство.

Христианские священники праздновали бескровную победу, одержанную над завоевателями Галлии:

— Ваше присоединение к вере — наша победа, — говорил один из них.

Обе стороны равно воспользовались плодами заключенного союза. Вот уже возводятся новые храмы на средства королевской казны, текут в церковные хранилища сокровища.

А Хлодвигу и другим вновь обращенным христианам отпущены все их старые прегрешения. Не успел Хлодвиг, по словам хрониста, «...смыть грязные пятна своих прошлых деяний», как церковь уже призывает его снова проливать кровь — расправиться с неугодными ей арианами.

Католическая церковь признала несогласных с ней вестготов-ариан еретиками. Она благословила и заранее оправдала захват франками их территории и истребление целого народа.

...И вот король Хлодвиг сказал своим людям:

— Не по нраву мне, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдем, с помощью божьей одолеем их и возьмем их землю...

В 507 г. двинулось франкское войско к городу Пуатье во владениях вестготов, где пребывал тогда их король Аларих.

В ту осень широко разлились реки от непрерывных дождей и, как говорили в народе, от крови людской. Покуда за Луарой лилась кровь еретиков-ариан и правоверных христиан, неразличимая по цвету, католические священники служили молебны за здоровье и победу завоевателей. Их не смущало кровопролитие, тем более что Хлодвиг запретил своим воинам грабежи и бесчинства на церковных землях в завоеванной стране.

Впереди войска франков летела молва о чудесных предзнаменованиях, предвещавших победу Хлодвигу. Передавали, что когда войска Хлодвиг подошли к реке Вьённо, король просил бога указать ему брод. На рассвете франки были поражены появлением лани, которая прошла по реке как по суку. В день решающего сражения франков с войском Алариха готы обратились в бегство. При отступлении погиб их король.

Хлодвиг торжествовал победу. Из награбленных в богатой Тулузе сокровищ он щедро одарил церковь св. Мартина в Туре. Хлодвиг приказал преследовать и уничтожать отступавшее от Пуатье войско Алариха, теснить вестготов к самой границе Бургундии.

Прошло еще два года,— и от обширных владений вестготов в Галлии осталась лишь узкая полоса средиземноморского побережья — Септимания.

За четверть века почти вся Галлия, кроме Бургундии, лежавшей на юго-востоке страны, была подчинена власти Хлодвигу.

Территория Франкского государства выросла примерно втрое.

Теперь не только христианское духовенство сквозь пальцы смотрело на преступления, которые привели Хлодвигу к единоличной власти. Сам император Византии Анастасий признал короля варваров и отправил к нему своих послов.

...Под сводами церкви св. Мартина в Туре Хлодвиг в присутствии высшего духовенства принимал императорских послов.

— Грамота нашего великого императора дарует тебе, король, звание Августа. Всемогущий император шлет тебе также в дар знаки августейшего достоинства,— с этими словами послы склонили головы и передали Хлодвигу пурпурную мантию и переливающийся жемчугом венец.

Тотчас же облачается король в пурпур. Нетерпеливо садится он на коня и, разбрызгивая грязь, скачет по улицам Тура. Изредка он придерживает коня и швыряет склонившимся перед ним людям пригоршни мелких монет. В ответ раздаются выкрики:

— Слава нашему королю! Слава великому Хлодвигу!

Признание власти франкского короля императором Византии облагораживало Хлодвигу в глазах его подданных галло-римского происхождения.

Злодеяния Хлодвигу после его смерти церковь оправдала из соображений христианской и государственной пользы. Начало этому положил епископ Григорий Турский. В своей «Истории франков» (вторая половина VI в.) он так

писал об этом «защитнике веры»: «Каждый день бог повергал к стопам короля его врагов и расширял его королевство, ибо Хлодвиг ходил с сердцем, правым перед господом...» Однако от того же Григория Турского мы узнаем не только о военных победах, но и о кровавых преступлениях Хлодвига. Добросовестный рассказ хрониста не утаил от потомков суровой правды истории.